

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

С.Ю. БАРСУКОВА

Дилемма “фермеры–агрохолдинги” в контексте импортозамещения*

В статье рассматриваются причины бурного роста агрохолдингов в 2000-е гг. Российская специфика состоит в автономности их развития от других хозяйственных укладов, что контрастирует с мировой практикой контрактации крупных агрофирм и фермерских хозяйств. Курс на импортозамещение в условиях жестких бюджетных ограничений поставил государство перед выбором приоритетов аграрной политики. И этот выбор – в пользу агрохолдингов, что делает еще более призрачной надежду на построение многоукладной аграрной экономики.

Ключевые слова: агрохолдинги, фермерские хозяйства, аграрная политика, импортозамещение, продовольственные рынки.

Последние месяцы страна живет как в осажденном лагере. И самое явное наблюдение, доступное обывателю, – сокращение импорта продовольствия. Место на прилавках занимают в основном отечественные продукты питания. У этого процесса множество аспектов, достойных анализа. Рассмотрим лишь один из них, а именно, как меняются приоритеты государственной политики в отношении крупного и малого аграрного бизнеса. Кто и почему выиграл в сложившейся политической ситуации?

Агрохолдинги и фермеры: взаимное игнорирование как российская специфика

Российская аграрная реформа 1990-х гг. проходила под лозунгом создания небольших семейных ферм, которые должны были прийти на смену неэффективным советским колхозам и совхозам. Однако сельскохозяйственная перепись 2006 г. зафиксировала совсем иной итог реформы, а именно полное и безоговорочное торжество крупных и очень крупных хозяйств. Так, 0,113% сельскохозяйственных организаций контролировали 81,5% посевных земель, владели 48,3% крупного рогатого скота, 47,1% свиней и 62,8% птицы [Davydova, Franks 2015, с. 154]. При этом 21% крупных и средних аграрных предприятий на момент переписи 2006 г. входили в агрохолдинги, существенно превосходившие прежние советские колхозы и совхозы [Узун 2012, с. 136]. Горизонтально

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. Выражаю благодарность французской коллеге К. Дюфи за содержательные дискуссии, сопровождавшие работу над статьей. Все использованные в тексте интервью были собраны совместно с ней.

Барсукова Светлана Юрьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии, заместитель заведующего лабораторией экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета – “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ). Адрес: Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: svbars@mail.ru.

интегрированные холдинги объединяют в единую систему профильные предприятия в разных регионах, что снижает зависимость от погодных аномалий, вредителей, болезней. Вертикально интегрированные холдинги выстраивают технологическую цепочку от производства до переработки, маркетинга, транспортировки на экспорт или в розничные сети, что сокращает транзакционные издержки и потенциальные риски, связанные с поведением партнеров. Происходит новый виток аграрной гигантомании, когда “агрохолдинги олигархов стремительно устанавливают политико-экономический контроль над миллионами гектар земли и тысячами деревень России”, что воплотилось в термине “олигархозы” [Никулин 2010, с. 17] и гипотезе о “конце крестьянства” в России [Joffe, Nefyodova, Zaslavsky 2006].

Победное шествие агрохолдингов по сельской России началось после финансового кризиса 1998 г., когда из-за девальвации национальной валюты резко снизились стимулы к импорту продовольствия и возросла экономическая привлекательность собственного аграрного производства. По оценкам Е. Серовой, в начале 2000-х гг. нефтяной бизнес приносил 80% годовых, а зерновой – 400% [Серова 2002]. Как следствие, гигантские капиталы, созданные в нефтяной, газовой, металлургической сферах устремились на создание собственных аграрных империй [Узун 2004]. Их безоговорочная победа в сельскохозяйственном секторе России стала возможной благодаря активной поддержке государства, создающего искусственные преференции в привлечении бюджетных и кредитных средств [Узун 2013; Никулин 2005; Невёдова 2014; Фадеева 2015^b]. Фермерам же досталась “обочина”, “неудобица” рынка, не охваченная агрохолдингами.

Такое положение дел контрастирует с опытом многих стран, где фермерская активность встроена в деятельность агрохолдингов, и кооперация между ними – основа взаимных успехов. Например, в США семейная ферма стоит во главе аграрной экономики, несмотря на рост инвестиций в крупномасштабное производство и общую тенденцию к росту размера фермерского хозяйства. Так, в США с 1982 по 2007 г. площадь среднего пахотного хозяйства фермера удвоилась. Изменения в размере животноводческих ферм были еще большими: за период 1987–2007 гг. средний размер молочного стада фермера вырос от 80 до 570 коров [MacDonald, Korb, Hoppe 2013, p. 15]. Этот процесс причудливо сочетался с начавшимся в 2000-е гг. ростом числа мелких ферм, что связано с программами поддержки сельского хозяйства и увеличением спроса на экологически чистые продукты местного производства. Несмотря на усиливающуюся специализацию производства и увеличение размера фермерского хозяйства, структура собственности в сельском хозяйстве США не изменилась, сохранив безусловное и безоговорочное преобладание семейных фермерских хозяйств. Так, в 2011 г. семейные фермы США произвели 87% продукции растениеводства [MacDonald, Korb, Hoppe 2013, p. 47].

В животноводстве североамериканских и западноевропейских стран базовым уровнем аграрной экономики также остается труд фермеров на своей земле. Одни выращивают корма, другие – скот, и все они связаны в единый механизм контрактными отношениями с крупными агрокорпорациями, координирующими эту деятельность. Конечно, не все так благозвучно, есть проблема асимметрии переговорных позиций малого и крупного бизнеса, несправедливого распределения прибыли по технологической цепочке, кредитной кабалы, технологического диктата и пр., на чем держится левый дискурс об ущемлении прав малых форм хозяйствования. Но, несмотря на взаимные упреки и претензии, фермер и крупная корпорация нужны друг другу и не могут существовать порознь.

В России такое партнерство не сложилось. Что представляет собой животноводство в формате агрохолдингов в России? Это огромная концентрация земель для производства кормов, выращивания животных от молодняка до товарного состояния, скученные условия содержания и, соответственно, болезни, блокируемые ударными дозами антибиотиков, малооплачиваемый труд слабомотивированных наемных работников и воровство, на борьбу с которым выделяются значительные средства [Koester 2007]. Агрохолдинги воспроизводят модель совхозов, но в капиталистическом варианте российских латифундий, где гигантомания сочетается с корпоративной бюрократией

и индустриальной дисциплиной. Вместо фермеров-собственников трудятся наемные работники, которым зачастую запрещают держать в подворье собственную живность, дабы избежать переноса инфекций и хищения кормов. Впрочем, при интенсивности труда, практикующейся на предприятиях агрохолдингов, сил на подсобное хозяйство у людей и не остается.

Вместо контрактации крупных корпораций и фермеров идет борьба за бюджетные ресурсы, за землю, за рынки сбыта. Агрохолдинги активно зачищают площадку от всякой “мелочи” в виде фермерских (КФХ) или личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Вспомним историю с африканской чумой свиней, в результате которой свиноводство было практически монополизировано крупными свинокомплексами, где в 2014 г. содержалось 80% свиней. Для сравнения: в 2001 г. почти половина поголовья свиней находилась в фермерских или личных подсобных хозяйствах населения.

Речь не идет о патологической агрессивности российских агрохолдингов в контрасте с миролюбивостью их западных аналогов. Тем более, что значительная часть крупнейших российских агрохолдингов имеет штаб-квартиры за пределами РФ. Возможно, дело в российской любви к большому размеру как символу процветания, унаследованному от советского прошлого, что препятствует индивидуализации хозяйственной жизни [Petrick 2007]. Но более прозаическая причина несложившегося сотрудничества малых и крупных форм агробизнеса заложена в специфике институциональной среды России. Принципиальное неверие в защищенность контрактных отношений ведет к стремлению бизнеса быть максимально самодостаточным, что требует колоссальных издержек управления, но обеспечивает относительную независимость от недобросовестных контрагентов и неэффективной арбитражной системы. Кроме того, размер бизнеса конвертируется в “весовую категорию”, определяющую шансы на успех в переговорах с властью.

Отсутствие доверия между контрагентами, низкая культура контрактных отношений и катастрофическое падение человеческого капитала на селе приводят к попыткам создать самодостаточную “бизнес-империю”. Схожие стимулы к укрупнению аграрных хозяйств, сводящиеся к трудностям контрактации ввиду особенностей институциональной среды, наблюдаются и в Восточной Европе [Koester 2005]. На условиях контракта раздать молодняк фермерам можно, а вот получить назад выращенных в соответствии со всеми технологическими, санитарными и т.п. правилами животных – сомнительно. Можно завезти семена для выращивания кормов, но не получить продукт нужного качества, скажем, из-за экономии на удобрениях.

Не обойдусь без небольшого отступления. Прошли те времена, когда аграрная сфера была синонимом отсталости и изолированности от научного прогресса. Пожалуй, самая большая проблема России – трагическое запаздывание в понимании того, что мир изменился и именно агробизнес стал наиболее наукоемким сегментом производства. Происходящее в современном сельском хозяйстве, по степени новизны можно сравнить лишь с прорывом человека в космос: современная корова – это не Зорька из наших детских воспоминаний о каникулах в деревне, а стоящая на четырех ногах мини-фабрика по производству молока или мяса. И чтобы “фабрика” работала, нужно полное технологическое соответствие ее обслуживания “проектной документации”: витамины по графику, корма по нормам и пр. И стоят эти современные Зорьки (закупаемые, кстати, преимущественно за рубежом по причине недальновидного сворачивания отечественных селекции и генетики) как детали космического корабля, что сближает сельское хозяйство и космос уже не в поэтическом, а в прозаическом смысле.

Попытки некоторых агрохолдингов кооперироваться с фермерами, отдав им на выращивание молодых животных, успехом не увенчались. То фермер ушел в запой, то забыл дать витамины, то решил “растянуть” корма на подольше, продав излишек. Судиться с ним, очевидно, бессмысленно. Курьезы пересказывать не буду, но в итоге агрохолдинг зареклся от такой кооперации. Как сказал один крупный предприниматель, совладелец агрохолдинга: *“Для немецких коров надо немецких бюргеров завозить”*. Не вдаваясь в дискуссию о причинах низкой контрактной культуры, отмечу

лишь, что у российских агрохолдингов принципиальная ориентация на замкнутость производственного цикла, на автономию от прочих хозяйственных укладов. Интеграция предприятий в горизонтальные и вертикальные структуры стала компенсаторной реакцией на качество институтов в России¹.

Другими словами, фермер отечественному агрохолдингу оказался не нужен. Что, казалось бы, совершенно не трагично для фермера, который тоже не нуждается в агрохолдинге. Но всем нужны рынки сбыта и государственная поддержка. Хорошо, если госбюджет щедрый, а покупательная способность населения растет. Но в последнее время наблюдается строго обратное: проблемы бюджета накладываются на падение реальных доходов населения. Цена на нефть падает, что заставляет искать новые источники экспорта. Плюс к тому – подпорченные международные отношения, геополитические сложности, санкции против России и ответное продовольственное эмбарго, введенное в августе 2014 г. В этой связи возникают вполне конкретные вопросы: кого стоит поддерживать государству? кто может накормить население быстро и относительно дешево? какой формат бизнеса следует поддерживать для реализации курса на импортозамещение и экспорт продовольствия?

Государство: ставки сделаны

Ответ неочевиден. С одной стороны, фермер, работающий на своей земле вместе с семьей, абсолютно точно соответствует призыву “возвращения к истокам”, воспоминаниям о “скрепах” и остальной атрибутике национального патриотизма в его нынешнем варианте. Поддержка фермерства очевидно одобряется россиянами, что немаловажно в связи с приближающимися выборами. Однако в предвыборный период нужно также поддерживать спокойствие на продовольственных рынках, то есть обеспечивать бесперебойное снабжение продуктами питания с заторможенным ростом цен. И эта микроцентристская логика обращает взоры власти на агрохолдинги, способные быстро нарастить объем производства, инвестируя крупные капиталы при поддержке бюджета. Но не только в экономике дело.

Агрохолдинги, как и любой крупный бизнес в России, зависимы от власти – районной, региональной и федеральной, а зачастую неотделимы от нее. Из примерно 700 агрохолдингов, существующих в России, только полтора десятка можно считать рыночными, то есть относительно автономными от государства. Остальные, то есть подавляющее большинство, будучи основанными на полумуниципальной, полурегиональной собственности, представляют собой российский вариант “частно-государственного партнерства” бюрократически-рыночного типа [Hockmann, Bokusheva, Bezlepikina 2007]. Но даже при отсутствии формального участия властных структур в бизнес-проектах крупные инвестиции приходят в сельскую местность только заручившись поддержкой со стороны глав районов, регионов.

Показательна история инвестиционного бума в одном из “медвежьих углов” Новосибирской области: крупнейший агрохолдинг молочного направления отважился на инвестиции только после личной встречи в неформальной обстановке с главой района, который обещал владельцу холдинга содействие в расширении земельного массива, софинансирование инвестиционных проектов и получение дотаций за счет средств областной программы развития животноводства [Фадеева 2015^a]. Обещания глава района сдержал: за четыре года, с 2009 по 2013 г., используемые холдингом площади выросли от 40 до 70% сельскохозяйственных земель района. Другой бизнесмен (инвестор) из Смоленской области на вопрос о роли властного фактора в принятии инвестиционного решения прямо ответил: *“Не будь изначально хороших отношений с главой района, я бы*

¹ Подобные процессы происходили и в российской промышленности в 1990-е гг., когда в попытке минимизации институциональной неопределенности формировались “малые радиусы доверия” в виде неформально интегрированных бизнес-групп [Ланнэ, Галухина 2009].

не пошел туда... У меня, можно сказать, дружеские отношения с местной властью, они много поддерживали, с землей помогли”².

Такое неформальное партнерство означает возможность политического давления на принимаемые бизнесом решения, в частности в области ценообразования и продуктовой специализации. Показательно, что российско-немецкий холдинг, самый крупный в России производитель сырого молока, начал заниматься молочным животноводством в результате жесткого принуждения со стороны руководства одного из районов Воронежской области, вынужденно свернув с тропы торговли импортной сельхозтехникой и производства зерна³. Партнерство власти и бизнеса делает возможным торг вокруг так называемой социальной ответственности бизнеса в обмен на поддержку со стороны федеральной и региональной властей. Поэтому на плакатах, развешанных по случаю “Золотой осени”, красуются фермеры, а в постановлениях правительства и Минсельхоза преференции раздаются крупному и среднему бизнесу. Показательно, что осенью 2015 г. В. Путин демонстративно ездил на тракторе с фермерами по полям Ростовской области, а в итоге встречи родился документ, защищающий интересы свиноводов, среди которых фермеров и владельцев личных подворий после эпопеи с африканской чумой практически не осталось.

Всплески законотворческих инициатив по поддержке аграриев приурочены к определенным событиям российской экономической истории и облекаются в соответствующие “лозунги дня”. Приоритетный национальный проект “Развитие АПК” (2006–2007 гг.) плавно перетек в озабоченность по поводу Доктрины продовольственной безопасности (2010 г.), а затем государство встало на защиту аграриев, пострадавших от вступления страны в ВТО (2012–2013 гг.). В августе 2014 г. возник новый сюжет – обрاملенный патриотической риторикой курс на импортозамещение и несырьевой экспорт. В рамках этих повесток лоббируются различные формы поддержки аграриев, “выбиваются” деньги на их реализацию. Бизнес же пытается оседлать эту политическую волну.

И все же основными получателями этой помощи были и остаются крупные предприятия. Как замечает известный исследователь аграрной экономики О. Фадеева, чем меньше масштабы предприятия, тем меньше абсолютные и относительные возможности привлечения внешнего финансирования и господдержки [Фадеева 2015^b]. По ее расчетам, в 2013 г. в Новосибирской области на поддержку сельского хозяйства из средств федерального и регионального бюджета было выделено почти 4 млрд руб., и треть этих денег досталась 13 крупнейшим предприятиям региона (из около 250 сельскохозяйственных организаций). Уже знакомый нам сюжет с приходом в Новосибирскую область российско-немецкого животноводческого холдинга, “главного молочника России”, имел пикантное продолжение. Спустя пять лет, в 2013 г., новосибирская компания холдинга получила 178,7 млн руб. государственной поддержки, что в 8,8 раз превысило прибыль компании [Фадеева 2015^a]. Как определил ситуацию наш эксперт-экономист, “цена лоббизма такова, что средства направляются не на поддержку сельского хозяйства, не на развитие институтов этого сектора, а на поддержку конкретных компаний”. Государство оказалось в роли “локомотива”, без которого поезд самостоятельно не едет. Остается лишь вбрасывать в топку агрохолдингов бесконечные финансовые дотации, что по понятным причинам становится делать все труднее.

Нельзя сказать, что совсем никакой помощи фермы не получают. Так, в 2015 г. на поддержку начинающих фермеров и на развитие семейных животноводческих ферм на базе ЛПХ выделили около 6 млрд руб., что примерно равно стоимости одного крупного инвестиционного проекта. К слову сказать, эти программы поддержки фермерства “пробил” не Минсельхоз, а ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР), напрямую обратившись к Путину как гостю их съезда.

² В статье встречаются выдержки из интервью, которые были приведены мной совместно с К. Дюфи осенью 2015 г. Эти фрагменты носят иллюстративный характер и не претендуют на то, чтобы трактовать статью как анализ экспертного опроса.

³ См. в интервью владельца холдинга: “В России взял шайбу – и вперед к воротам противника” // Ведомости. 21.07.2015 (№ 3877) (<http://www.vedomosti.ru/business/characters/2015/07/21/601427-v-rossii-hotyat-ukazanii-delaem-raz-dva-tri>).

В 2016 г. на поддержку аграрного сектора планируется выделить 237 млрд руб., в том числе 14 млрд на развитие фермерства, включая программу субсидирования кредитов, то есть примерно 6% государственной помощи. Правда, усугубляющиеся проблемы экономики ставят под сомнение выполнение этих обещаний. Но даже при самом оптимистичном сценарии невозможно представить ситуацию, когда государственная помощь в разы превосходит прибыль фермерского хозяйства.

“Поддержка сельского хозяйства в абсолютных показателях вполне приличная, но львиная доля этой поддержки уходит в крупные предприятия, агрохолдинги. А фермерам, крестьянам, ЛПХ мало остается. Опять же в любой области вы найдете программу поддержки начинающего фермера и другие по поддержке малого предпринимательства – программы есть, но ресурсы там просто мизерные” (аграрный экономист).

Есть, конечно, формы господдержки, которые формально доступны всем. Например, несвязанная поддержка на гектар, размер которой дифференцирован по регионам. Однако для ее получения необходимо выполнение ряда условий: не должно быть задолженности по налогам и по зарплате, нужно провести агрохимическое обследование почвы, получить технологический паспорт и пр. Очевидно, что крупным предприятиям с их бюрократическим аппаратом выполнить эти требования легче, чем фермерам, которые готовы отказаться от помощи, экономя силы, время и деньги на ее получение.

Это не означает, что власть в принципе отказывается от проекта развития фермерства, но ведет к принципиальной смене возлагаемых на фермеров задач. Если в начале 1990-х гг. с ними связывали надежды на продовольственное изобилие, то со временем этот оптимизм пошел на убыль. Однако еще в Национальном проекте “Развитие АПК” поддержка малых форм хозяйствования была выделена как отдельное направление, и фермеры получали субсидированные кредиты наравне с сельскохозяйственными организациями. Но авральное решение задач импортозамещения в сочетании с бюджетными проблемами привело к жесткой фокусировке аграрной политики на крупных производителях. В новой ситуации фермеров отправили на скамейку запасных. Поддержку фермерства следует ожидать не в контексте решения экономических задач, стоящих перед страной, а, скорее, в рамках мероприятий по развитию сельской местности. Они живут и работают на селе, чем противостоят опустыниванию российских пространств, и эта их роль сейчас поддерживается государством более явно, чем роль экономических агентов.

“Ни по одному сектору экономики нет такого разрыва между риторикой и реальными делами, как в сельском хозяйстве. Говорят про фермерство, а помощь минимальная. Есть вещи, которые запускаются для массового сознания. Потому что там живет 25% населения, и это земля, а это непосредственно граница государства – это то, почему об этом много говорят. Но разговорами все и заканчивается” (представитель АККОРа).

В сторону крупного бизнеса развернулись и банки. В условиях сокращения доступа к западным финансовым рынкам банковская система столкнулась с проблемами. Ориентация на крупных клиентов риторически оправдывается ссылками на государственную целесообразность приоритетной поддержки крупных аграрных проектов в связи с необходимостью быстрого импортозамещения и роста продовольственного экспорта⁴. Таким образом, мы выходим на ключевые “лозунги” современной аграрной политики – **импортозамещение** и **экспорт продовольствия** – как рамки для легитимации поддержки агрохолдингов.

Ускоренное импортозамещение как основа поддержки крупных производителей

Пропаганда связывает воедино понятия “импортозамещение” и “антисанкции”, которые ввела Россия в августе 2014 г. Однако резкое сокращение импорта лишь отчасти зависит от санкций и ответного продовольственного эмбарго со стороны России.

⁴ В царской России экспорт зерна осуществлялся преимущественно за счет крупных помещичьих хозяйств, тогда как производимый крестьянами продукт шел на внутренний рынок.

Уменьшение импорта из стран ЕС на 45,4% (за январь – апрель 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года) можно гипотетически “списать” на санкции. Но почему же в этот период заметно снизились и объемы импорта из вполне дружественных нам стран, таких как Вьетнам (14,4%), Китай (30,6%) или Южная Корея (53,4%)? Притом даже импорт из стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) сократился на 37,7%. Это свидетельствует о том, что причины сокращения импорта в начале 2015 г. связаны не столько с санкциями, сколько с экономическими проблемами – девальвацией рубля и падением реальных доходов в российской экономике.

Если бы дело было только в санкциях, то примирение с политическими оппонентами решило бы проблемы импорта. Но причины глубже и печальнее. Поэтому курс на импортозамещение – результат не просто геополитических разногласий, как пытаются представить дело отечественные СМИ, но осознания новой экономической реальности, в которой оказалась страна из-за ошибок и просчетов, допущенных в годы формирования экономической политики. И к числу немногих отраслей, где у импортозамещения есть неплохие шансы, принадлежит сельское хозяйство. В его пользу говорит относительно короткий срок окупаемости капиталовложений (что более характерно для птицеводства и менее – для животноводства), неорганизованность фермеров (что позволяет жестко опускать закупочные цены на их продукцию), а также малоэластичный спрос на продовольствие по доходам. То есть при падении доходов населения спрос на продовольствие сохранится, правда, сместится в нижний ценовой сегмент. По другим отраслям прогнозы гораздо хуже [Афонцев 2015].

От крупных агрохолдингов ждут быстрых успехов в области импортозамещения и “прорубания” новых экспортных “окон”, поэтому и помогать им готовы довольно энергично. Нужны скорые и масштабные наращивания объемов продовольствия для компенсации проблем, связанных с сокращением импорта, что, повторюсь, лишь отчасти вызвано продовольственным эмбарго, введенным в августе 2014 г.

В связи с курсом на импортозамещение летом 2015 г. (Постановление Правительства РФ № 624 от 24.06.2015) был введен новый вид поддержки – компенсация части прямых понесенных затрат на создание и модернизацию объектов АПК, что означает готовность государства субсидировать на 20–35% затраты инвестора. То есть при строительстве и запуске в эксплуатацию молочной фермы или тепличного комплекса, овощехранилища или оптово-распределительного центра государство возвращает соответствующую долю инвестиционных затрат. Но не всем. Для этого необходимо соответствовать понятию “инвестиционный проект”. В молочном животноводстве это высокое звание получает только тот, кто строит ферму не менее чем на 400 голов. Конкуренция на получение такой помощи – колоссальная. Так, в 2015 г. по направлению “молочное животноводство” на всю страну было отобрано всего семь инвестиционных проектов для частичного возмещения понесенных затрат. Очевидно, что семейная молочная ферма такую поддержку не получит никогда. Хранилища имеют право на государственную поддержку при размере от 10 тыс.т, оптово-распределительные центры – от 50 тыс.т. Малые формы хозяйствования не проходят это сито.

Ставка на крупный бизнес обусловлена серьезностью проблемы и сжатыми сроками, отпущенными на их решение. Например, на рынке молочных продуктов, где Россия – крупнейший в мире импортер, в 2010 г. импорт сливочного масла в РФ составил 108,9 тыс.т, а импорт сыра и творога – 431 тыс.т, что покрывало, соответственно, 34,5 и 49,9% потребностей страны в этих продуктах. Конечно, значительная его доля приходилась на Белоруссию (40% масла, 29% сыра и творога), что смягчает проблему продовольственного эмбарго, но не снимает ее. Дефицит молока составляет 8 млн т, что соответствует стаду в 1 млн коров. Пока этот дефицит “гасится” ростом импорта пальмового масла, но Роспотребнадзор бьет тревогу по поводу его возможного вреда для здоровья, что совсем некстати накануне выборов.

Без активной государственной политики надежды на инвестиционную активность бизнеса можно считать несбыточными. Аналогия с 1998 г. не работает. Тогда обрушение рубля случилось на фоне относительно высокой безработицы и низкой загрузки производственных мощностей, что вызвало позитивную реакцию бизнеса на дефолт [Афонцев 2015]. Сейчас в экономике ситуация иная. Нужны крупные инвесторы в сельское хозяйство, и государство готово их серьезно поддерживать. Фермер же не видится как потенциальный инвестор такого масштаба. Надежда возлагается на крупный бизнес. Если взять чистую прибыль только трех крупнейших российских агрохолдингов за 2014 г. (“Мираторг”, “Черкизово”, “Русагро”), то она составила почти 50 млрд руб., а общая чистая прибыль *Тор-20* крупнейших агрохолдингов России превысила в 2014 г. 68 млрд руб⁵. Аграрная политика государства нацелена на диалог с партнерами такого масштаба. Риторика форсированного импортозамещения стала удобной логикой оправдания безоговорочного приоритета аграрной политики в пользу крупных и сверхкрупных игроков рынка.

“Конечно, продовольственные санкции стали подарком для многих наших производителей. Свиноводы приуныли в связи с вступлением в ВТО, а сейчас в шоколаде себя чувствуют. Продовольственному лобби просто повезло, что политическая конъюнктура так сложилась, обострилась международная обстановка” (аграрный экономист).

«Фермер мыслится как красивый мужик, который живет на своей земле и производит экологически чистый продукт. “Мы поддерживаем фермерство!” – это красиво звучит для гражданина России. На самом деле, конечно, у Минсельхоза в связи с курсом на импортозамещение политика ориентирована на крупный и средний бизнес... В связи с импортозамещением надо отчитываться о быстром наращивании производства, а это могут дать только крупные проекты... Экспорт будут поддерживать любой ценой. Это налоги, валютная выручка, пошлины. Раньше с нефти наполняли бюджет, сейчас будут с сельхозпродукции. Зерно, растительное масло, сахар, рис. То, что инвестируется в крупные проекты – это тоже поддержка экспорта, хотя напрямую так не говорят» (представитель АККОРА).

Немаловажно, что относительно благоприятная картина положения дел в АПК держится на устаревших данных сельскохозяйственной переписи 2006 г., что позволяет эксплуатировать тему ЛПХ, приписывая им значительный объем продукции, не появляющейся на рынке. “Сами произвели и сами съели” – так объясняется разрыв валового и товарного объемов производства по многим показателям. Так, если верить статистике, в России производится примерно 30 млн т молока, правда, только половина – это товарное молоко, то есть поступившее на переработку и доставшееся потребителям рынка. Остальное – то есть почти столько же – выпили счастливые обладатели коровы, споили телятам, разлили по неосторожности и т.д. То есть никто точно не знает, было ли оно. Статистика утверждает, что в 2014 г. половина российского стада коров содержалась в подсобных хозяйствах граждан (47%) и что ситуация практически не изменилась с 2001 г. (48,3%). Это резко диссонирует с бытовыми наблюдениями любого обывателя, хоть изредка путешествующего по сельской России. Аналогична ситуация с картофелем, 80% которого производится, согласно статистике, в подсобных хозяйствах, что выдвигает страну на почетное место в мире по валовому сбору, но вызывает скептическое отношение у Союза картофелеводов России, откровенно называющих эту цифру “лукавой”.

В 2016 г. пройдет очередная сельскохозяйственная перепись населения, что, скорее всего, сделает статистику тревожнее в части объемов производства ЛПХ. Спасать статистику надо уже сейчас, наращивая объемы производства. В условиях фактически централизованного государства понятнее и проще это предпринять, сделав ставку на крупных и очень крупных производителей. Тем более, что экономические доводы на их стороне: урожайность продукции растениеводства и продуктивность животноводства

⁵ Рассчитано по данным: (http://milknews.ru/analitika-rinka-moloka/reitingi/krupneishie_agroholdingi_rossii.html?template=115).

выше в сельхозорганизациях, чем у фермеров и ЛПХ. (К сожалению, статистика не приводит разбивки по размерам сельхозорганизаций.) Так, в 2014 г. сельхозорганизации собрали по 207 ц картофеля с 1 га, тогда как урожайность в хозяйствах всех категорий – 150 ц. Надои на 1 корову в сельхозорганизациях в 2014 г. составили 4841 л в год, а у фермеров – 3450 л, что даже ниже, чем в ЛПХ (3510 л). В ведущем агрохолдинге молочной специализации, “ЭкоНиве”, надои дифференцированы по предприятиям от 4500 л до 10 000 л с коровы. Словом, почва для лоббизма в пользу крупных производителей определенно имеется.

Действительно, агрохолдинги способны впечатлить технической оснащённостью. Достаточно посмотреть ролики в Интернете о выстроенных по последнему слову науки и техники птицефабриках, свинокомплексах. Роботизированная разделка выдает пакетированный продукт, бесперебойно поступающий в розничную сеть, которая, кстати, гораздо охотнее сотрудничает с крупными производителями, чем с фермерами, по причине стандартизированного качества и гарантированных объемов.

Однако забывается, что сельское хозяйство весьма неоднородно, и преимущества крупных форм, очевидные в птицеводстве и свиноводстве, могут быть поставлены под сомнение в молочном животноводстве, в производстве овощей и пр. Сельское хозяйство вообще очень неудобная сфера для обобщающих, универсальных суждений ввиду значительной технологической специфики его отраслей, помноженной на природно-климатические нюансы. То, что работает как модель бизнеса в Краснодарском крае, может давать сбой на юге Сибири. Меры, которые приводят к бурному росту промышленного свиноводства и птицеводства, пробуксовывают применительно к животноводству [Барсукова 2011]. И если бы на модернизацию семейных молочных ферм были направлены сопоставимые средства, вера в безусловные преимущества агрохолдингов могла бы пошатнуться. Но подобного эксперимента не случилось: государственная помощь идет в одни ворота. Российские агрохолдинги были и остаются главными бенефициарами российской аграрной политики.

“Давайте государство будет непредвзятым арбитром, которое будет смотреть, как развиваются разные уклады. И у каждого уклада должны быть свои лобби, которые обеспечивают некие квоты, некие ресурсы на развитие того или иного уклада. Но когда все ресурсы забирают крупные агрохолдинги и притом их пропаганда работает на то, что все мелкое абсолютно неэффективное – это несправедливо не только в политическом смысле, но и в технико-экономическом аспекте. Кто провел исследование реальной эффективности агрохолдингов? Это коммерческая тайна. То, что нам удастся копнуть, – чудовищные хищения. Это ужас, какие огромные национальные богатства уходят в песок через эти агрохолдинги. Пишут только про успехи агрохолдингов. А у нас уже целое кладбище обанкроченных агрохолдингов. Об этом никто не пишет, никто не говорит” (аграрный экономист).

Много ли теряет страна, игнорируя потенциал фермерства? Про зарубежный опыт говорить не буду. Это другая история. Фермеры Западной Европы продолжают получать ренту со своей политической активности 1960-х гг., когда были пролоббированы фантастические по нашим меркам субсидии и меры нефискальной поддержки, которые, кстати, в последние годы сокращаются, вызывая бурные протесты местных аграриев. У нас другие реалии. И они таковы: стартовав в 1992 г., с 1% в 2014 г. вклад фермеров составил 10% валовой продукции сельского хозяйства. Доля фермеров резко дифференцирована по отраслям: фермеры производят примерно четверть российского зерна, но только 1% яиц. В целом фермерство в России имеет растениеводческую ориентацию: примерно три четверти их продукции (77% в 2014 г.) относится к этой сфере, и только четверть (23%) – к животноводству.

Но нужно понимать, что вычленив вклад фермеров очень трудно. Статистика привязана к организационно-правовым формам деятельности. И если фермерское хозяйство зарегистрировано как ООО, то оно работает на статистику сельхозорганизаций. Это ведет к недооценке фермерской продукции. Кроме того, часть ЛПХ ведет коммерчески ориентированную деятельность, не оформляя статус фермерства, что

также занижает фермерскую статистику. Переход же товарных ЛПХ в фермерство тормозится тем, что за чисто символическую помощь государства они должны будут расплачиваться налогами, статистическими отчетами, выдерживать проверки различных инстанций. Однако при всех сдерживающих факторах в первом полугодии 2015 г. было создано в три раза больше фермерских хозяйств, чем прекратило свою деятельность (18 и 6 тыс., соответственно), а на участие в программе поддержки начинающего фермера возник реальный конкурс. Заявок, удовлетворяющих конкурсным требованиям, было столько, что на выдачу грантов всем желающим потребовалось бы 20 млрд руб. Появились регионы – Саратовская область, юг Сибири, – где фермерство набирает обороты, показывая, что у феномена Белгородчины, сделавшей безусловную и выигрышную ставку на агрохолдинги, есть альтернативные модели регионального развития. Так что фермерство рано списывать со счетов.

Однако мы живем во времена нетерпеливых правителей: все уровни власти хотят успеть отчитаться об успехах сельского хозяйства, пока их не сняли с должности. По этой бюрократической логике ставка на крупные инвестиционные проекты – единственно верная. Фермерство взращивать долго и хлопотно. Тем более хлопотно выстраивать институциональные условия контрактации между малым и крупным бизнесом. Упущенное десятилетие, когда государство находилось в эйфории от высоких нефтяных цен, теперь пытаются наверстать ударными стимулирующими мерами, направленными на крупный аграрный бизнес. Формальный подход, воплощенный в вопросе “сколько?”, затмевает содержательный вопрос “как?”. Это ярко проявилось в Доктрине продовольственной безопасности. Контрольно-целевые показатели, заявленные в этом документе, не содержат уточнений по поводу того, каким должен быть вклад малого и крупного аграрного бизнеса в решение этой задачи. Трудно не согласиться с руководителем АККОРА: *“Сами по себе количественные показатели не так важны. Важно, каким путем мы к ним идем”*.

* * *

В России с начала 2000-х гг. начали бурно развиваться крупные и сверхкрупные агрохолдинги, игнорирующие возможности контрактации с фермерами, что резко отличается от ситуации в современном сельском хозяйстве передовых аграрных стран. Агрохолдинги в России стоят на “трех китах” – это гигантомания, корпоративная бюрократия и индустриальная дисциплина. Причины их роста восходят к специфике институциональной среды: проблемы контрактного права, неэффективность арбитражной системы, симбиотическое сращивание с властными органами привели к тому, что шансы на развитие получает не сильнейший, а крупнейший. Развитие агрохолдингов стало результатом значительных предпочтений и многоплановой поддержки со стороны государства. Постепенно набирающий силу курс на моноцентричный характер власти все более диссонирует с идеей многоукладной аграрной экономики, восходящей к инициативе и хозяйственной свободе широких слоев населения. Более органична в сложившихся политических реалиях – поддержка ограниченного числа крупных, подконтрольных и зависимых от власти агрохолдингов. Государство оттачивает умение “договариваться” с достаточно узким кругом крупных игроков продовольственного рынка вместо того, чтобы создавать институты конкурентного пространства для массовых производителей.

Этот тренд, наметившийся в последние годы, достиг своего логического предела в связи с курсом на импортозамещение. Отечественные СМИ прочно отождествляют этот “лозунг дня” с продовольственными антисанкциями, что уводит в сторону от дискуссии о сокращении импорта ввиду усугубляющихся проблем экономики. Учитывая, что именно в аграрной сфере у импортозамещения есть реальный шанс на успех, лоббизм агрохолдингов стал более агрессивным и более результативным. Сохраняющаяся риторика поддержки фермеров камуфлирует фактический отказ от идеи многоукладной аграрной экономики в пользу крупнейших агрохолдингов, на которые возлагаются надежды на быстрое импортозамещение продовольствия по принципу масштабного индустриального производства, что существенно меняет принципы организации труда и жизни сельского сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афонцев С. (2015) Перспективы импортозамещения в российской экономике // Экспорт вооружений. № 5. С. 6–8.
- Барсукова С. (2011) Чтобы не обмелели молочные реки... Рынок молока и молочных продуктов в России // ЭКО. № 11. С. 95–108.
- Нефёдова Т. (2014) Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. № 4. С. 64–82.
- Никулин А. (2005) Новейшая гигантомания // Политический журнал. № 12(63). С. 21–24.
- Никулин А. (2010) Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. Т. 11. № 1. С. 17–34.
- Паппэ Я. Ш., Галухина Я. С. (2009) Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Серова Е. (2002) Зерно дает 400% годовых, а нефть в лучшем случае 80% // Коммерческие вести. № 45 (20 ноября).
- Узун В. (2012) Агрохолдинги России: идентификация, классификация, роль, концентрация землепользования // Земельная аккумуляция в начале XXI в.: глобальные инвесторы и локальные сообщества. М.: Дело. С. 126–142.
- Узун В. (2004) Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. М.: ВИАПИ.
- Узун В. (2013) Оценка результатов ельцинской аграрной реформы // ЭКО. № 3. С. 5–30.
- Фадеева О. (2015^a) “Дело было в Пенькове”: как агрохолдинги завоевывают сельские районы Сибири // Крестьяноведение: теория, история, современность. Ученые записки. Вып. 10. М.: Изд. дом “Дело” РАНХиГС. С. 197–233.
- Фадеева О. (2015^b) Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Davydova I., Franks J. (2015) The Rise and Rise of Large Farms: Why Agroholdings Dominate Russia’s Agricultural Sector // *Mir Rossii*. Vol. 24. No. 3. Pp. 133–159.
- Hockmann H., Bokusheva R., Bezlepkin I. (2007) Agroholdings Membership: Does That Make a Difference in Performance? Paper presented at the 102th EAAE Seminar “Superlarge Farming Companies: Emergence and Possible Impacts”, Moscow.
- Ioffe G., Nefyodova T., Zaslavsky I. (2006) The End of Peasantry? The Disintegration of Rural Russia. Pittsburgh (Pa): Univ. of Pittsburgh Press.
- Koester U. (2005) A Revival of Large Farms in Eastern Europe – How Important Are Institutions? // *Agricultural Economics*. Vol. 32. No. 1. Pp. 103–113.
- Koester U. (2007) Super-large Farms: the Importance of Institutions. Superlarge Farming Companies: Emergence and Possible Impacts. Moscow.
- MacDonald J.M., Korb P., Hoppe R. A. (2013) Farm Size and the Organization of US Crop Farming. Economic Research Service Report Number 152. United States Department of Agriculture. Washington (USA) (<http://www.ers.usda.gov/publications/erreconomic-research-report/err152.aspx>, accessed December 17, 2015).
- Petrick M. (2007) A Model of Manager-induced Organisational Stability in Post-soviet Agriculture. Paper presented at the 104th (joint) EAAE-IAAE Seminar Agricultural Economics in Transition: “What Was Expected, What We Observed, the Lessons Learned”. Budapest: Budapest Univ. Press.

The Dilemma of the “Farmers vs Agricultural Holdings” in the Context of Import Substitution

*BARSUKOVA S.**

* *Barsukova S.* – doctor of sciences (Economic), professor of the National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: svbars@mail.ru.

Abstract

This article discusses the reasons for the rapid growth of agricultural holdings in the 2000s in Russia. Russian specificity consists in the fact that agricultural holdings are autonomous from other economic structures. This contrasts with the global practice of contracting between large agricultural companies and farms. Russia announced a policy of import substitution. As this takes place under conditions of hard budget constraints, the government has to choose the priorities of agricultural policy. And this choice was made in favor of agricultural holdings, which makes hope for a mixed agrarian economy even more ghostly.

Keywords: agricultural holdings, farms, agricultural policy, import substitution, food markets.

REFERENCES

- Afontsev S. (2015) Perspektivy importozameshcheniya v rossiiskoi ekonomike [The Prospects of Import Substitution in the Russian Economy]. *Export vooruzhenii*, no. 5, pp. 6–8.
- Barsukova S. (2011) Chtoby ne obmeleli molochnye reki... Rynok moloka i molochnykh produktov v Rossii [Lest “Rivers of Milk and...” Should Shallow. The Market of Milk and Dairy Products in Russia]. *ECO*, no. 1, pp. 95–108.
- Davydova I., Franks J. (2015) The Rise and Rise of Large Farms: Why Agroholdings Dominate Russia’s Agricultural Sector. *Mir Rossii*, vol. 24, no. 3, pp. 133–159.
- Fadeeva O. (2015^a) “Delo bylo v Pen’kove”: kak agrokholdingi zavoevyvayut sel’skie raiony Sibiri [“It was in Penkovo”: how agricultural holdings conquer in rural areas of Siberia]. *Krest’yanovedenie: teoriya, istoriya, sovremennost’*. *Uchenye zapiski*. [Krestyanovedenie: Theory, History, Modernity. The researchers note]. Moscow: Delo, pp. 197–233.
- Fadeeva O. (2015^b) *Sel’skie soobshestva i khozyaistvennye układy: ot vyzhivaniya k razvitiyu* [Rural society and economic structures, from survival to development]. Novosibirsk: IEOPP SO RAN.
- Hockmann H., Bokusheva R., Bezlepkin I. (2007) Agroholdings Membership: Does That Make a Difference in Performance? *Paper presented at the 102th EAAE Seminar “Superlarge Farming Companies: Emergence and Possible Impacts”*, Moscow.
- Ioffe G., Nefyodova T., Zaslavsky I. (2006) *The End of Peasantry? The Disintegration of Rural Russia*. Pittsburgh (Pa): Univ. of Pittsburgh Press.
- Koester U. (2005) A Revival of Large Farms in Eastern Europe – How Important Are Institutions? *Agricultural Economics*, vol. 32, no. 1, pp. 103–113.
- Koester U. (2007) Super-large Farms: the Importance of Institutions. *Superlarge Farming Companies: Emergence and Possible Impacts*. Moscow.
- MacDonald J.M., Korb P., Hoppe R. A. (2013) Farm Size and the Organization of US Crop Farming. *Economic Research Service Report Number 152*. United States Department of Agriculture. Washington (USA) (<http://www.ers.usda.gov/publications/erreconomic-research-report/err152.aspx>).
- Nefyodova T. (2014) Agropromyshlennaya kontsentratsiya v rossiiskikh regionakh [Agro-industrial concentration in the Russian regions]. *ECO*, no. 4, pp. 64–82.
- Nikulin A. (2005) Noveishaya gigantomaniya [Latest megalomania]. *Politicheskii journal*, no. 12, pp. 21–24.
- Nikulin A. (2010) Oligarkhoz kak preemnik postkolkhoza [Oligarchism as the Successor to the Post of the Collective Farm]. *Economic Sociology*, vol. 11, no. 1, pp. 17–34.
- Pappe Ya., Galukhina Ya. (2009) *Rossiiskii krupnyi biznes: pervye 15 let. Ekonomicheskie khroniki 1993–2008 gg.* [Russian large business: first 15 years. Economic review 1993–2008]. Moscow: HSE.
- Petrick M. (2007) A Model of Manager-induced Organisational Stability in Post-soviet Agriculture. *Paper presented at the 104th (joint) EAAE-IAAE Seminar Agricultural Economics in Transition: “What Was Expected, What We Observed, the Lessons Learned”*. Budapest: Budapest Univ. Press.
- Serova E. (2002) Zerno daet 400% godovykh, a neft’ v luchshem sluchae 80% [Grain Yields of 400% per annum, and the Oil is at best 80%]. *Commercheskie vesti*, no. 45 (20 November).
- Uzun V. (2012) Agrokholdingi Rossii: identifikatsiya, klassifikatsiya, rol’, kontsentratsiya zemlepol’zovaniya [Agroholdings in Russia: Identification, Classification, Role, the Concentration of Land]. *Zemel’naya akkomulyatsiya v nachale XXI v.: global’nye investory i lokal’nye soobshestva* [Land Accumulation at the Beginning of the XXI Century: Global Investors and Local Communities]. Moscow: Delo, pp. 126–142.
- Uzun V. (2004) *Krupnyi i maliy biznes v sel’skom khozyaistve Rossii: adaptatsiya k rynku i effektivnost’*. [Large and Small Businesses in Russian Agriculture: Adapting to the Market and Efficiency]. Moscow: VIAPI.
- Uzun V. (2013) Ozenka rezul’tatov El’tsynskoi agrarnoi reformy [Evaluation of the results of Yeltsin’s agrarian reform]. *ECO*, no. 3, pp. 3–30.